

В пользу этого предположения говорит ряд наблюдений. Это прежде всего отсутствие списков „Повести о Савве Грудцыне“ ранее XVIII века. Большая часть списков ее относится ко второй половине и к середине XVIII века, сравнительно меньше к XIX веку и совсем немного к началу XVIII века.¹ За позднее появление „Повести“ говорит и отсутствие сколько-нибудь значительных вариантов ее. В отдельных списках „Повести“ имеются небольшие различия, касающиеся преимущественно редакционной стороны; это — скорее разночтения, не меняющие ничего в содержании „Повести“. Наконец некоторым соображением в пользу позднего появления „Повести“ служит также отсутствие ее в тех библиотеках XVII века, описи которых сохранились.

Все указанные особенности „Повести“ заставляют перенести время ее появления из XVII в начало XVIII века.

Наблюдения над „Повестью“ дают возможность сделать предположение о ее авторе.

Прежде всего через всю „Повесть“ проходит одна черта — это хорошее знание автором купеческого быта. Автор берет себе героя из купеческой среды, причем он относит его к одной из крупнейших купеческих фамилий конца XVII — начала XVIII века. Автору хорошо известен торговый путь, идущий из Соли Камской в центр государства. Он называет пункты, лежащие на этом пути: Соль Камскую, Орел (городок на реке Каме, принадлежавший Строгановым), Козьмодемьянск, Павлов Перевоз (очевидно, этим именем названо крупное в XVII веке торговое село Павлово на реке Оке, насчитывавшее в середине XIX века 8500 жителей). Он знает даже, что в Павлове Перевозе бывает базар по четвергам; очевидно, он сам там бывал. Следуя далее по этому пути, ведущему по рекам Оке и Москве к городу Москве, автор, не доезжая последней, сворачивает из Оки в Клязьму, а оттуда в Тезу и доходит до города Шуи. Чем это объяснить? Шуя в XVII и начале XVIII века была довольно видным торгово-промышленным городом. Еще в 1629 году в нем существовало 45 лавок и гостиный двор, на котором было отделение английской торговой компании, присылавшей в Шую свои товары из Архангельска. Два раза в год в Шую бывала ярмарка. Жители города вели оптовую хлебную торговлю, составлявшую их главный доход („посадские люди тем и кормятся и подати всякие государевы платят“). Население занималось также кожевенным и мыловаренным производствами.² Возможно, что В. И. Грудцын, производивший, как указано выше, большие закупки хлеба, был связан и с Шуей, поэтому она и остановила на себе внимание автора „Повести“. Автор знаком также и с торговлей, производившейся с Персией; он знает, что из Казани ездили в Астрахань, а оттуда „за море“, где торговые люди оставались долгое время. Он с особым вниманием относится к Орлу, перенося в него местный административный центр, в то время как в действительности этот центр помещался в Соли Камской

¹ Из 62 рукописных текстов „Повести“, перечисленных в „Библиографии древнерусской повести“, составленной В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (М.—Л., 1940), лишь один (помещенный под № 2 список ГПБ, Погодинск. № 1774) отнесен к XVII веку. Однако при проверке оказалось, что он написан скорописью XVIII века на бумаге с монограммой ЛИК того начертания, которое помещено у К. Я. Тромонина (Знаки писчей бумаги. М., 1844) под № 740 и у Н. П. Лихачева (Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891) под № 576 и относится к 1733 году. Следовательно, и этот список не может быть отнесен ко времени ранее второй четверти XVIII века.

² В. Борисов. Описание г. Шуи и его окрестностей. М., 1851, стр. 60—61, 67—69.